

Стал читать «Товарищи по оружию» сразу после эпопеи Золя. Это она (точнее, ее предпоследняя часть – «Разгром») навела меня на эту мысль. И – первое впечатление – то, что написал Симонов, вовсе не литература. Где чудесные, красочные описания Золя, где метафоры, где глубокая или не

очень, но все-таки психология героев? Увы. Краткие серые фразы, психология в духе Льва Толстого, чего я совсем терпеть не могу: «Он посмотрел на нее и подумал, что не может ей сказать того, что он думает, а она слушала его и думала, что он хочет ей сказать что-то, но не скажет» (пример сфабрикован мною). Автор всё знает, всех понимает, всем сочувствует.

Но потом я вчитался и понял, что несправедлив к Симонову. Нет, это все-таки литература, только другого типа, по стилю напоминающая, скорее, «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Да, сухо, да, без метафор, зато ясно и четко. Человек пишет о том, что он знает, – о войне. Это уже хорошо, что знает, но, кроме того, сама война – благотворный материал, в нем драматизм присутствует изначально. И можно преподнести множество сюрпризов читателю, ведь на войне умирают неожиданно – только что человек ходил, стрелял, был жив-здоров, потом пошел погулять между барханами, бац! – и нет его. Убили. (Этот пример тоже сфабрикован, но примерно так всё и происходит как на войне, так и в романе.)

Сюжет развивается естественно, как будто сам собой – один бой проигранный, другой – победный, еще победный и окончательная победа. Люблю, когда автор ничего не выдумывает; кое-что он, бесспорно, и придумал, прежде всего, героев (хотя наверняка имел прототипы), но поскольку хорошо знал материал, то получилось убедительно.

Проблемы. Во-первых, уж очень одинаковые герои. Нелегко, конечно, показать человека на войне со всех сторон, но какие-то различия между ними всё же должны существовать; тут единственный, кто отличается от прочих, который личность, – Козырев, он запоминается легко, другие – с трудом. Все они как один – «люди долга». Долг для них главное, и они его выполняют как могут.

Что ж, прекрасно. Но разве не бывает между героями противоречий? У Симонова – нет, только мелкие дразги, а по существу – отсутствуют. Все одинаковые, верные советские люди.

Что ж, опять – может, так и было. Может, сумели воспитать такое поколение, фанатичное, посвятившее себя делу коммунизма. Только страшно становится от такого поколения (да и было страшно). Никаких недостатков не видят они в советской власти, она во всем права! Ну, немного они смущены, когда узнают о пакте Молотова – Риббентропа, но только немного, нет ни одного, кто б не то что сказал, а хотя бы подумал: ну и сволочь же все-таки, пошел на договор с фашистами, а столько лет говорил – главный враг, главный враг! Разве с врагом можно так?

И что особенно странно – никто не вспоминает про «чистку». А ведь не только политиков прикончили, военных тоже! Так сказать, своих. И кстати, благодаря «чистке» все эти ребята, герои романа, офицеры, выдвинулись. Я не о том, что они должны осудить ту мясорубку, но хоть бы с ужасом подумать: вот что сделали с теми, а что с нами будет, если?.. Или кто-нибудь: вот здорово, что стариков укокошили, без этого мы полжизни в «младших» бы ходили.

Вот такие вопросы, в основном касающиеся «исторической правды».

Но Симонова можно понять – роман-то написан, когда честности был поставлен предел: лишнее слово – и капут. Хорошо, если просто не издадут, а ведь могут и посадить. И поэтому выдвигаю тезис, что советская власть, при всей ее материальной щедрости к писателям, на самом деле губила их творчество. Прочитую одну из героинь моих «Буриданов», филолога Викторию: «Писатель должен прямо и честно говорить о том, что он видит вокруг». А как это делать, если в затылок упирается пистолет? Вот

и Симонов попался. Жаль. Ведь хорошо пишет, а если бы еще и смело и честно...

«Личная» жизнь героев передана серо, причина ясна – если все они «люди долга», то и всё личное у них подчинено долгу. И жены их обязаны это понимать и жертвовать собой ради того же долга. И что тут еще говорить.

Действительно, страшная была страна.

И всё же от романа осталось бы неплохое впечатление, если бы не штрих в концовке, при обмене пленными, совсем неубедительный. Что японцы у нас в плену все леченые и сытые, а наши у японцев – голодные калеки, ладно, кто знает, может, так и было, проверить не имею возможности. Но что японец, когда его возвращают к своим, кричит: «Да здравствует коммунизм!» – это, извините, такой перебор, что я поперхнулся.

Может, автора заставили написать в конце что-то «этакое»?

Постскрипtum. Симонов проговорился. Как только был заключен пакт с Гитлером, в СССР объявили мобилизацию в семи западных округах (Синцов под нее попадает). Зачем, если пакт мирный? Понятно зачем. Но об этом подробнее, когда дойду до второго тома.

Второй том («Живые и мертвые») еще драматичней, чем первый, что и понятно: в «Товарищах по оружию» действие в основном проходит в Монголии, то есть на чужой территории, и война там локальная, а тут – родные края, свой дом, свои семьи, своя страна, наконец. Но какая страна: Россия или СССР? Для Симонова это едино, но на самом деле здесь огромная разница.

Читая биографию фельдмаршала Манштейна, я наткнулся на удивительный казус – после взятия Крыма некий русский священник (эмигрант) в знак благодарности послал ему драгоценный подарок. И это был не единич-

ный случай. То есть подарок, может, и единичный, но подобное отношение эмигрантов к той войне – отнюдь. Когда Германия напала на СССР, они вдруг оказались перед выбором – вот проклинали, проклинали большевиков, желали им скорой смерти, а случилось так, что Гитлер далеко не ангелочек, а очень даже противный тип, не Наполеон, во всяком случае, пошел войной на их, пускай бывшую, родину, – и за кого теперь болеть?

Решали по-разному. Часть (среди них тот священник) встала на сторону Германии – так сказать, всё равно кто, главное, чтобы перебили «большевиков и евреев», а часть передумала – как-никак своя страна, Россия. Господин Гитлер рассуждает о «второсортности» русских, это не дело, лучше уж коммунисты, они в большинстве все-таки русские, ведь евреев к тому времени Джугашвили от власти практически отодвинул, одних в Сибирь, других в российский чернозем. Россия или СССР? – это как минимум вопрос. Должен ли его обсуждать советский офицер, хотя бы лишь мысленно, сам с собой, в душе? В душе человек должен всё обсуждать, особенно если он писатель. Политики создают мифы, миссия писателя – их разрушать. Когда же писатели на все сто процентов принимают «правду» политиков – значит, они не настоящие писатели.

Немного я, однако, преувеличил. Мимо вопроса «Россия или СССР» Симонов, да, проходит, но вопрос о правильности действий власти он все-таки ставит, причем в двух аспектах. Во-первых, уничтожение перед войной офицерского состава, не упомянутое в первом томе, в «Живых и мертвых» легкому обсуждению подвергается, об этом размышляет любимый герой автора, Серпилин. Но как?! Единственное сомнение Серпилина – чисто военного плана: дескать, не ослабили ли мы таким образом нашу армию? И это говорит человек, которого само-

го в ходе «чистки» посадили (а могли и расстрелять!) и который лично знал многих расстрелянных! И говорит цинично: «Конечно, свет на них клином не сошелся...» – в смысле, что победим и без них. У Серпилина (и, видимо, у автора) не возникает и мысли о том, что, возможно, вся «чистка» – преступление. Или, как минимум, некомпетентное решение некомпетентных руководителей. Помните, у Азимова: «Насилие – последний аргумент некомпетентных»?

Второй аспект, которого Симонов слегка касается, – почему СССР оказался не готов к войне? Описывая хаос первых дней войны (а сделано это живо, драматично), он время от времени, устами в основном Синцова, задается вопросом: почему так случилось? Увы, дальше риторики ни герой, ни автор не идут, о пакте Молотова – Риббентропа не вспоминают. А жаль. Этот пакт стал губительным не только для Польши, Балтийских стран – в еще большей степени он был губителен для СССР.

Я не говорю о военной стороне вопроса, хотя и тут у меня большие сомнения насчет целесообразности продвижения границы вглубь Польши, где не было защитных укреплений. Но главное – психология. Представьте себе ситуацию «без пакта». Германия всё равно напала бы на Польшу и вышла бы на границу СССР. И тогда вся страна была бы готова к тому, что война может грянуть в любую минуту. Стали бы дополнительно укреплять оборонительные рубежи. Провели бы мобилизацию. Внимательно следили бы за тем, чем занимается ожидаемый противник. А сейчас Германия смогла напасть на СССР неожиданно. Пакт создал у советского народа иллюзию если не дружбы, то хотя бы нейтралитета.

Другими словами, весь этот хаос, который описывает Симонов, имел конкретную причину – некомпетентные действия руководителей страны.

И тут я вспоминаю другой военный роман, тот самый, который подтолкнул меня перечитать Симонова, – «Разгром» Золя. Он тоже о начале войны, тоже о хаосе, но с какой гражданской смелостью Золя бичует свою французскую власть за ошибки, за глупость и трусость! Симонову такой смелости не хватило.

Про «Товарищей по оружию» я писал, что создается впечатление о поколении, покорно верном делу коммунизма, без единого сомнения, как по отношению к коммунистическим идеалам, так и к конкретным лицам, власть имеющим – раз это коммунистическая власть, значит, она во всем права. В «Живых и мертвых» это впечатление усиливается. Вся история с партбилетом Синцова своей абсурдностью напоминает Кафку. Что за чудовищная страна, которая смогла выработать у человека такие неестественные установки?

Хорошо все-таки, что ее уже нет.

Третий том, «Солдатами не рождаются», состоит из двух книг. Первая так и называется, а вторая – «Последнее лето». Оба тома толстые, основательные. Первая книга – самая откровенная из всей эпопеи. Написал «откровенная» и вспомнил рака на безрыбье. О настоящей откровенности говорить не стоит, вся «крамола» подается намеками, экивоками, короткими размышлениями. «В тот вечер Валентина Егоровна, зная всё, что творилось кругом, зная, сколько пустых, запечатанных квартир стоит в казенных военведовских домах...» Нам, бывшим советским людям, всё понятно, а французу, греку?

Самый, пожалуй, откровенный отрывок:

«Был ли он сам сломан в этом колесе? Да, конечно, если говорить о сломанной на целых четыре года судьбе бывшего комбрига Серпилина, бывшего профессора Академии имени Фрунзе, бывшего краснознаменца, быв-

шего члена партии... Жизнь была переломана на такие куски, что, казалось, ей навек уже не срастись. И всё это вполне могло кончиться тем, чем кончилось для многих, – смертью, и даже не по приговору, а просто так, на этапе или в снегу, среди сопок, где и стоящего дерева-то нет, чтоб зарубку сделать...» и т. д.

Дальше: «“Да, такое время! Действительно такое! – мысленно подчеркнув это слово, подумал Серпилин. – И слова-то не подыщешь другого: такое! Всё в этом слове”».

У него сейчас было странное чувство, что тогда одновременно существовало словно бы не одно, а два соседних и разных времени. Одно ясное и понятное, с полетами через полюс, с революционной помощью Испании, с ненавистью к фашизму, с пятилетками, с работой до седьмого пота, с радостной верой, что всё выше и выше поднимаем страну, с любовью и дружбой, с нормальными людскими отношениями; и тут же рядом – только ступи шаг в сторону – другое время, страшное и с каждым днем всё более и более необъяснимое...»

В этом отрывке – ключ к пониманию советского человека той поры, настолько оболваненного, что он всё принимает на веру, даже пятилетки, а ведь в то же самое время, «ясное и понятное», черт-те что творилось: поэтов расстреливали, философов выслали, деревню уничтожали, «вредителей» обезвреживали, «бывших» и «контр» надолго сажали, чаще казнили, и многое-многое еще. Всё это было для такого – советского – человека, как Серпилин, в порядке вещей, вот только когда военных стали трогать, и его самого...

Эта уверенность в советском строе, непонятно как внушенная, этот ура-патриотизм, эта ненависть ко всему «буржуазному», ненависть не только к «царскому режиму», но и ко всем, кто его олицетворял, эта неистовая

вера в исключительность своей страны, в то, что мы первые «правые», что мы лучше всех – всё это погубило целое поколение, или, вернее, несколько поколений. Французы сумели после своей революции перестроиться, русские не смогли, они продолжали и продолжали...

По идее, советская власть совершила немало доброго: уничтожила обязательность религии (хотя излишне грубо и кроваво), посадила крестьян и рабочих за парты (отняв у них, однако, право свободно мыслить), ценила искусство как альтернативу религии (добиваясь при этом «правильного» идеологического содержания)... но фанатизм всё погубил.

Еще одно заблуждение, внушенное советским людям: «Этот немец казался Серпилину сейчас виноватым в том, что фашизм пришел к власти в Германии. А именно с фашизма в Германии всё началось! Именно с него!...»

Нет, не с него. Всё началось с большевизма в России. Задолго до преступлений нацизма были преступления большевизма. Именно как бы в противостояние большевизму нацизм и возник. Так что некого тут обвинять, кроме самих себя. Я нередко вижу, как сегодняшнее поколение россиян не понимает того элементарного факта, что их страна (вернее, не их страна, а власть, которая правила в их стране) являлась пугалом для всего остального мира. То есть, может, немного и понимает, но скорее больше гордится этим, чем смотрит критически. Ведь и в выпадах Гитлера изначально звучал пафос «борьбы с большевизмом», или, точнее, с «еврейским большевизмом». Потом, наверно, увидев, что с евреями справился сам Джугашвили, он приуменьшил свой идеологический напор, стали появляться другие мотивы – например, о «второсортности» славян, – но первый толчок был именно такой, антибольшевистский, это хорошо прослеживается в «Майн Кампф».

Мне кажется, что понимание фашизма (точнее, нацизма) как изначального зла во многом обусловлено тем, что Великобритания, а затем и США оказались союзниками СССР, что как бы «весь мир объединился против фашизма». Это заблуждение! Для Великобритании идеологический момент всегда выступал в качестве ширмы, как оправдание тому, что они вступают в войну с кем-то в Европе. Без разницы, с Наполеоном, с Гитлером. А на самом деле Великобритания всегда преследовала геополитическую цель – не позволить ни одной стране на континенте стать слишком сильной. При Наполеоне они якобы защищали принцип монархии, сейчас (вместе с американцами) – демократии, но цель одна и та же.

Однако я ушел далеко от Симонова. В книге «Солдатами не рождаются» он действительно не раз, и довольно откровенно, намекает на ошибки власти, в том числе на те, что касаются начала войны. По сравнению с сегодняшними апологетами Джугашвили, готовыми простить ему миллионы жертв за расширение границ империи (а в душе – и за то, что он отобрал у евреев власть), Симонов выглядит еще довольно честным, так что в целом этот том действительно читается как «антисталинский».

«Последнее лето» завершает эпопею, и завершает, как и полагается военно-патриотическому роману, на оптимистической ноте. Об ошибках тут уже не вспоминают, правда, выведен антигерой, верный сталинец Львов, но выведен поздно – в конце произведения выпускать на сцену новых героев бессмысленно, и особого интереса Львов не вызывает. Вообще «добро» и «зло», как и подобает человеку, в генах которого имеется православная составляющая, разграничены у Симонова очень резко, даже слишком резко, в жизни всё более размыто. Полутонами он не пользуется,

все герои или «хорошие», или «плохие», кроме разве Артемьева и Веры.

Как я уже сказал, войну Симонов показывает здорово, местами даже замечательно. Он ее знает, умеет расписывать обстоятельно и, как минимум на взгляд такого дилетанта, как я, правдиво. Патриотизм в его романе не пустой пафос, он основан на реальных событиях, на ужасах войны. Это то, что ценно в романе. Но до правдивости за пределами фронта, в обществе в целом, Симонов недотягивает.

Захлопнув том «Последнее лето», стал я мысленно сравнивать две эпопеи – Симонова и Льва Толстого (можно сказать, два главных русских романа о войне). И – отдаю предпочтение Симонову. Он пишет лучше, эмоциональнее, у него неплохой стиль, читать его легко и приятно, он не зануда, как Толстой. А что нет «философии» в конце – так прекрасно, что нет, те страницы в романе «Война и мир» – самые слабые.

Что у этих двух авторов общего – они не рассказывают читателю о прошлом своих героев. Это непрофессионально. Мы все родом даже не из своего детства, а из детства наших дедушек и бабушек. Помню, как меня, когда я перечитывал «Анну Каренину», поразило, что Толстой ничего не говорит о свадьбе Карениных. Но ведь это важнейший день в их жизни и судьбе! Ладно, по тем временам не было принято описывать эмоции и ощущения молодой жены в первую брачную ночь – но о том, что Анна чувствовала до момента, как открылась дверь в спальню и вошел Каренин, вполне можно было рассказать и тогда. Ни один более-менее приличный французский писатель такой ошибки не допустил бы (вспомните хотя бы «оригинал» «Анны Карениной» – «Мадам Бовари»).

Вот и у Симонова мы мало узнаем о том, откуда родом его герои, кто их родители и прародители, как скла-

дывались их судьбы во время революции (единственное исключение – Серпилин). Наверное, причина в том, что тогда надо было бы снова врать, врать, врать, а ему не хотелось...

И последнее: Симонову не хватило мастерства на концовку. Он не завершает линию «двоеженства» Синцова. Возможно, он просто не знал, как эту ситуацию решить. Это непростительно для опытного писателя. Все главные линии романа надо заканчивать. Маша участвует в первых томах, мы видим, как она улетает в партизанский отряд, и мы – говорю за всех читателей – хотим узнать, какой она стала, вернувшись, и как она воспримет то, что была объявлена мертвой и что ее муж женился на другой. Однако Симонов уходит от этого, он даже Артемьева оставляет в неведении о том, что сестра жива.

Так нельзя, товарищи.